



Владимир МОРОЗОВ¹

**Н.Н. ФЁДОРОВА.
ПАМЯТЬ СЕРДЦА**

*О память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной.*

К.Н. Батюшков

15 февраля 2023 году в Соборе Св. апостолов Петра и Павла г. Петергофа отпевали Нонну Николаевну Фёдорову, бывшего Главного хранителя музеев Петродворца, ушедшую в мир иной на 97-м году жизни. Обстоятельства сложились так, что именно ей, совсем молодой женщине, только что закончившей искусствоведческое отделение исторического факультета Ленинградского университета, пришлось в 1950 г. возглавить возрождение из руин дворцово-паркового ансамбля Петергофа. Впервые для меня при проводах в вечность близкого человека к естественной печали примешалось чувство восхищения красотой прожитой им жизни. Узор её судьбы, как говорила она сама, был очень причудливым.



22 июня 2021. Нонне
Николаевне 95 лет

¹ **Морозов Владимир Николаевич** родился 5 октября 1941 г. в Омске, куда была эвакуирована из Ленинграда его семья. После эвакуации семья вернулась в Ленинград. Окончил физический факультет ЛГУ. Доктор физ.-мат. наук. Лауреат Государственной премии. Пишет прозу, стихи и музыку. На его стихи написаны также песни профессиональными композиторами. Публикуется в петербургских журналах и литературных сборниках. Лауреат первой премии Конкурса «Серебряный голубь России 2019». Автор трёх книг. Живёт в Санкт-Петербурге.

Война вошла в жизнь Нонны Николаевны Фёдоровой в день её пятнадцатилетия. Семья жила тогда в Петродворце, и компания одноклассников, утром того дня ушедшая в парк на берег залива, вернулась не к праздничному столу, а в атмосферу военного времени. Отец Нонны, кадровый морской офицер, начальник Стрельнинских курсов усовершенствования высшего состава Военно-морского флота, сразу получил назначение членом Военного совета Краснознамённого Балтийского Флота. В этой должности, в звании контр-адмирала, а затем вице-адмирала, он прослужил в осаждённом Ленинграде до конца войны. Семья — мама, бабушка, двухлетний братишка и Нонна, — захватив два чемодана носильных вещей, отправились в эвакуацию в Омск. Свою единственно ценную вещь — подаренный ей в тот день рождения велосипед — Нонна с гордостью сдала в фонд обороны. Через два месяца фашисты вошли в Петродворец.

Рассказывая о годах, проведённых в эвакуации, Нонна Николаевна постоянно говорила «мы». Вот отрывок из её воспоминаний /1/: *«Мы, школьники регулярно навещали раненых в госпитале и устраивали в палатах маленькие концерты, помогали писать письма родным. Мую “бригаду” старшеклассниц часто брали для обслуживания прибывших с фронта бойцов. С трудом уговаривали измученных людей назвать своё имя для регистрации. Кто-то отворачивался, кто-то матерился. Потом девочки помогали раздевать самых тяжёлых к бане. Это всегда вызывало у нас, шестнадцатилетних, слёзы неловкости, беспомощности и жалости. Помогало строгое напутствие главного врача: “А как же девушки чуть старше вас на фронте?”. После мытья и перевязок мы поднимали “лежачих” на носилках в светлые палаты. Потом обязательно навещали подопечных, старались к этим визитам приобрести небольшие сувениры».* Одно из завязавшихся тогда знакомств через многие годы неожиданно отошло в послевоенной жизни. Но это — особая история.

Возвратившись в 1944 г. по вызову отца в Ленинград, семья поселилась на ул. Л. Толстого. Довоенный любимый Петродворец лежал в руинах. Нонна поступила в университет и окунулась в полную радостных надежд мирную жизнь. В написанной более чем через полстолетия книге воспоминаний /1/ она с теплотой рассказывает о своих университетских преподавателях и институтских друзьях, о событиях художественной жизни тех лет. Материальные возможности семьи позволили ей параллельно с учёбой в университете брать уроки игры на рояле у известной пианистки

Д.Г. Мусселиус и уроки живописи у преподавателей Академии художеств. Без этого она считала невозможным по-настоящему овладеть профессией искусствоведа. Так, в названной книге подробно описываются семинары по теории искусства, которые вёл Н.Н. Пунин, известный нам как муж Ахматовой. На последнем курсе она встретила любовь всей своей жизни, студента ЛЭТИ Анатолия Васильевича Фёдорова. Как пошутил её научный руководитель, профессор С.К. Исаков, университет она окончила с «двумя дипломами», имея в виду новорождённого сына.

Но этот 1949 год оказался для семьи совсем не радостным. Отца, который после войны вышел в отставку и работал первым секретарём Пензенского обкома партии, неожиданно, в связи с так называемым «Ленинградским делом», исключили из партии и уволили с работы. Родители с двумя сыновьями вернулись в Ленинград. Отца на работу никуда не брали, дни проходили в ожидании ареста. Опасаясь самого худшего, отец предложил дочери немедленно развестись с мужем, чтобы он не был официально причастен к семье «врага народа» и смог сохранить ребёнка. Но молодожёны отказались — они верили в справедливость, советовали писать самому Сталину. Отец защищался популярной тогда фразой: «лес рубят — щепки летят».

Кусочек из воспоминаний Нонны Николаевны: *«Бог миловал, и самое страшное отца миновало. Скорее всего, этому способствовали случайные обстоятельства, сложившиеся двумя годами раньше. В 1947 г. папа взял меня с собой в Гагры, куда поехал по путёвке в элитный санаторий, и снял для меня комнату в гостинице. Всё свободное время я проводила на санаторных мероприятиях. Там я познакомилась с “племянницей” высокопоставленного члена партийной комиссии ЦК КПСС Валечкой, которая отдыхала вместе с “дядей” в санаторных апартаментах. Мы с ней были близки по возрасту, откровенничали и подружились. Вскоре стали вчетвером ездить по окрестностям, на озеро Рица. Валя, увлекавшаяся фотографией, неутомимо снимала наши встречи на отдыхе. Разъехавшись, мы переписывались как подруги. Скорей всего, компрометирующие для “дяди” факты этой короткой дружбы в сложившихся обстоятельствах стали опасны, а для нашей семьи сыграли положительную роль. Отцу инкриминировали стандартное, но мало понятное, — “знал, но не сообщил”. Его коллега, второй член Военного совета КБФ А.Д. Вербицкий, был расстрелян. Папу реабилитировали в сентябре 1953 года».*

Начались тяжёлые годы. Её отец с трудом устроился рабочим на завод, Нонна Николаевна с мужем и восьмимесячным сыном переехали в 8-метровую комнату в коммунальной квартире. Нужда и бытовая неустроенность дополнялись атмосферой отчуждения окружающих. Но мечта о профессиональной работе, по-прежнему, не давала покоя. Как сказано, *просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте*. Определяющей в новом повороте судьбы оказалась встреча с заведующей отделом музеев в Главном управлении культуры Ленгорисполкома М.А. Тихомировой. С непонятно откуда взявшимся чувством доверия Нонна рассказала ей о своём положении и судьбе отца, хотя в это время (декабрь 1950 года) «Ленинградское дело» было в самом разгаре. Как оказалось, М.А. Тихомирова была женой художника Ю.М. Непринцева, который в годы войны был прикомандирован к флоту и хорошо знал отца Нонны, в круг обязанностей которого входило взаимодействие с флотскими писателями, поэтами и художниками. Поэтому сделанное по итогам разговора предложение было поистине ошеломляющим — переехать жить в Ораниенбаум и работать главным хранителем дворцов и парков. Любимая, желанная работа и жильё! И на следующий день утром электричкой — в Ораниенбаум. Глава воспоминаний об этом периоде жизни так и называется «Счастлирое время в Ораниенбауме».

Говорится, что обаяние заменяет всё, а его заменить невозможно ничем. Моё личное впечатление от Нонны Николаевны — само обаяние. Наше знакомство началось десять лет тому назад, когда ей было за восемьдесят, но когда она входила в комнату, невольно хотелось встать. По словам Гёте: вечная женственность — вне описания.

Было тревожно: неопытная вчерашняя студентка, и вдруг — Главный хранитель единственного уцелевшего в огне войны пригородного дворцового комплекса. Как встретят её сотрудники? Но встретили радостно, полюбили, помогли освоиться.

Работа началась с инвентаризации. Нонна Николаевна описывает трепет единения, словно обмен энергетикой с теми, кто пользовался этими вещами. Вот маленькие парчовые туфельки с каблучками в форме катушек. В них по этим узорным паркетам ходила когда-то императрица Екатерина II. По словам А. Бенуа, по своей гармоничности Китайский дворец — единственная в своём роде жемчужина. Семью Нонны Николаевны поселили на первом, непарадном этаже дворца Петра III. Таинственная атмосфера дворца манила заглянуть в прошлое. С энтузиазмом, столь

присущим Нонне Николаевне, она старалась возродить первоначальные задумки архитекторов, мастеров и художников, трудившихся здесь столетия назад. Результаты её работы были сразу замечены, и меньше чем через год она была назначена Главным хранителем дворцов, музеев и парков Петродворца. «Сказка» Ораниенбаума кончилась, началась новая работа среди потерь и разрухи. Новый этап жизни, глава книги воспоминаний: «Петергоф — боль моя и любовь».



*Главный хранитель.
1950 г.*

Сейчас забыты долгие дискуссии о целесообразности восстановления разрушенных войной дворцов и изуродованных парков. Эта задача многим казалась невыполнимой. На музейщиков наводили ужас планы устройства на этих местах стандартных парков культуры с качелями и каруселями. Чтобы показать возможность возродить утраченное, надо было как можно скорее восстановить и открыть для обозрения наименее пострадавшее. В Петродворце это был дворец Эрмитаж, маленький по размерам и наименее пострадавший, причём в эвакуации сохранились почти все предметы его убранства.

Приходилось добиваться возвращения из хранилищ более сотни картин, украшавших Парадный зал второго этажа, вести переговоры о возвращении редчайшего собрания дельфтской посуды, которой был сервирован подъёмный стол, изготовить сам стол, пропавший в годы войны. Резчики восстанавливали решётки балконов, которые были сделаны



*«Почти не пострадавший»
дворец «Эрмитаж» после войны*

по указу Петра, повелевшего 8 января 1724 года «в Питергофе к Армитажу сделать два балкона дубовых, как на корабле “Ингерманландия”», тогда — флагмане Балтийского флота.

За каждой фразой — работа в архивах, создание реставрационных мастерских, поиск резчиков и реставраторов, а коллектив научного отдела — всего несколько женщин, которые, кроме



*Открытие сезона.
Середина 1950-х годов*

подготовки экспозиций, участвовали в уборках, разгрузках, погрузках. Приехавший внезапно тогдашний министр культуры Н. Михайлов, увидев главного хранителя развешивающей картины где-то под потолком зала на стремянке, спросил с удивлением: «Что, больше некому?». На чистом энтузиазме, под обещание отказаться от авторского гонорара, найти и привезти газетную бумагу для печати, был выпущен первый послевоенный, разме-

ром в ладонь, путеводитель по Нижнему парку. Летом 1952 года состоялось торжественное открытие первого восстановленного дворца.

Хотя впереди предстояло самое главное — восстановление из руин Большого дворца, системы фонтанов, убранства парка, начало было положено, возможность возрождения была доказана.

В воспоминаниях Нонна Николаевна подробно рассказывает о научных работниках, работавших над исследованием материалов о дворцово-парковом комплексе, художниках и реставраторах, выполнивших поистине огромный объём работ по восстановлению интерьеров дворца, лепщиках, резчиках, позолотчиках, садовниках. Некоторым из них она посвятила специальные брошюры. Благодаря огромному опыту Нонну Николаевну привлекают в качестве консультанта при восстановлении других памятников архитектуры. В своей книге «По законам вдохновения», посвящённой реставрации Юсуповского дворца, она говорит, что все эти поиски и исследования делаются ради строгой музыки искусства реставрации — Достоверности. Каждая линия, каждый оттенок должен быть таким, как задумал творец. За эти работы её избирают в Союз художников СССР.

Доминанта воспоминаний Нонны Николаевны — слова благодарности отдельным людям и коллективам, которые, не жалея жизни, во время войны спасали наше национальное художественное достояние. Голодные, замерзающие, они тушили пожары, заделывали пробоины, собирали на развалинах фрагменты архитектурного убранства как образцы для будущей реставрации. Рассказывая об очередном этапе восстановления, она не забывает перечислить главных его участников. Десятки имён и фамилий, просто упоминаний и небольших новелл о разных людях.



*Н.Н. Фёдорова с мужем А.В. Фёдоровым
накануне открытия дворца «Эрмитаж»*

В круг забот Главного хранителя входил и расположенный в самом центре Петергофа комплекс Царицина острова. Там в относительной целостности сохранились подаренные императором Николаем I супруге Александре и дочери Ольге два небольших палатца с великолепными собраниями бронзовой и мраморной скульптуры. Уцелел и мраморный фонтан. Трогательным лирическим отступлением служит рассказ о единственном тогдашнем стороже всего этого богатства, девятилетней Марфе Павловне, в одиночестве жившей на острове в домике бывшей кухни. На остров можно было добраться только на лодке, которая была у «сторожа». Вызов лодки осуществлялся ударами по проволоке, которая шла с берега на остров, и хозяйка, перебирая руками проволоку, плыла на лодке встречать гостей. На лужайке ставили по русскому обычаю самовар, а гости привозили с собой докторскую колбасу и пряники. Сюда на остров в пору цветения сирени любила приезжать уже упоминавшаяся М.А. Тихомирова, посвятившая большую часть своих научных работ скульптуре Петергофа, чтоб вместе помечтать о будущем возрождении этих шедевров камерной архитектуры.

Другой стороной деятельности Главного хранителя, которая по мере восстановления дворцов и парков приобретала всё большее значение, были встреча и экскурсионное сопровождение наиболее ответственных иностранных гостей. Среди известных

нам политических деятелей, посетивших в те годы Петергоф, были Фидель Кастро с супругой, король Афганистана Муххамед Захир-шах, шах Ирана Моххамед Реза Пехлеви с супругой, президент республики Вьетнам Хо-Ши-Мин, премьер министр Канады Пирсон и многие другие. Как правило, иностранных гостей сопровождали наши руководящие деятели соответствующего ранга и, конечно, работники Ленинградского обкома. Ход экскурсии располагал к более свободному разговору, чем официальный протокол, возникали неожиданные вопросы, общение становилось более непринуждённым. В рамках правила «ничего личного» удержаться бывало трудно, и часто потом происходил «разбор полётов». Поэтому благодарственные письма и приглашения от визитёров оставались без ответа. Хотя Нонна Николаевна оставалась беспартийной, это, как она пишет, особых проблем не доставляло.

Больше всего она боялась, что кто-нибудь из почётных гостей захочет побывать у неё дома. Отдельную двухкомнатную квартиру её семья получила гораздо позже, когда дети стали взрослыми. В то время они жили рядом с дворцом в длинном двухэтажном доме, построенном для дворцовой прислуги. Здание пострадало во время войны, было сырым и холодным. Две комнаты в общежитии с общей кухней и туалетом в конце длинного коридора. В холодное время года утром температура не выше 8 град. Вставать надо было рано, в 6 утра, т. к. муж уезжал на работу в г. Пушкин на двух



Идём в школу через Верхний парк. 1 сентября 1962 г.

электричках с пересадкой. Срочно натопить печь и накормить детей: сына Володю (1949 г. р.) и дочь Марину (1954 г. р.), а в 9 часов быть на работе. Рабочий день не нормированный, практически без выходных. Если выпадал выходной, его посвящали походу в баню. Когда приезжали родственники, спальные места устраивали всюду. Главное место в комнате занимал рояль, подаренный отцом в студенческие года, а на сколоченных из досок стеллажах — ряды книг, муж Нонны Николаевны был страстным библиофилом.

Те далёкие годы запомнились и частыми «кухонными посиделками». В воспоминаниях есть страницы, посвящённые их гостям — Глебу Горбовскому, Юрию Кукину, который пел маленькой Марине: «Мой маленький гном, беги от людей».

Круг интересов Нонны Николаевны всегда был очень широк. Во-первых, это литература, стихи она начала писать уже в школе. В годы работы в музее по её инициативе был создан самодеятельный театр, который часто выступал на различных площадках. Более полно её талант сценографа проявился позднее, когда из-за проблем со здоровьем она ушла с очень ответственной и хлопотной должности главного хранителя и стала режиссёром-сценаристом ежегодного «Праздника фонтанов», новогодних гуляний и т. д., проводимых в Петродворце. Это позволило ей работать дома и поправить здоровье.

Она положила начало традиции ежегодных художественных выставок сотрудников музея, где выставляла и свои рисунки и акварели. Тогда же Нонна Николаевна была избрана секретарём Всесоюзного общества охраны памятников, работала консультантом в Ленинградском отделении Союза художников СССР, занималась преподавательской работой.

Её первый маленький послевоенный путеводитель стал началом пути в большую литературу. Надо отметить, что в семье Нонны Николаевны писательской деятельностью в зрелые годы начал заниматься её отец, Николай Константинович Смирнов. В конце 60-х — начале 70-х годов он выпустил три книги /2–4/, в которых на основе полученного в годы войны опыта обсуждались методы боевой подготовки войск. Книги доступны в Интернете, написаны прекрасным литературным языком, а вопросы, рассмотренные в них, в настоящее время стали ещё более актуальными. Можно сказать, что литературный дар Нонна Николаевна во многом получила в наследство от отца.

Первый её послевоенный путеводитель по Петродворцу стал началом серии подобных книг, с каждым годом всё более полных

и красочных /5–7/. Несколько отдельно стоят работы, в которых суммирован опыт реставрации и реконструкции зданий, представляющих художественную и историческую ценность /8/. Наряду с многочисленными статьями и брошюрами, посвящёнными отдельным художникам, скульпторам и архитекторам, она написала ряд работ о различных художественных школах, например о Палехе.

Упомянутые «кухонные посиделки» дали импульс созданию Литературного объединения «Поэтический Петергоф», председателем которого Нонна Николаевна была долгие годы. Оно объединило широкий круг творческой интеллигенции Петергофа — поэтов, писателей, музыкантов и художников — и стало местом их творческих встреч. Почти ежегодно выпускался литературный сборник «Поэтический Петергоф». Литературное объединение постоянно принимало участие в городских мероприятиях, посвящённых праздничным датам. В 2015 г. на средства и по заказу муниципалитета Петергофа был выпущен прекрасно изданный литературный сборник «Поэты Петергофа — Победе».

Блестящий организационный талант, огромная эрудиция Нонны Николаевны превращали ежемесячные заседания ЛИТО в маленькие праздники. Всегда безукоризненно одетая, подтянутая и доброжелательная, уже своим появлением она задавала деловой и радостный тон собранию. Это заставляло собравшихся очень ответственно относиться к выступлениям, быть корректными в обсуждении чужих работ. Мне особенно запомнилась совместная работа с ней при редактировании сборника о Победе. В ответ на мою несколько насмешливую критику стихов одной из авторов она чуть кокетливо возразила: «Ну что ты, Володя, женщина может так видеть и чувствовать». В этой простой фразе для меня словно приоткрылась дверца в огромный мир женских чувств и эмоций, так отличный от мужского, понять который не хватит и нескольких жизней. Разговоры у неё дома, среди картин и книг, где непременно участником всегда был важный рыжий кот, наблюдавший за нами с книжного шкафа, обычно сразу от частного переходили к общему, когда литература, живопись, музыка становятся отдельными гранями некоего единого кристалла, назовём его условно — искусство. Благодаря широкому кругу знакомств среди творческих людей при обсуждении их работы начинали выступать в новом, особом свете.

Завершаю свой рассказ я строками из стихотворения Нонны Николаевны. В годы работы в Ораниенбауме в Китайском

дворце она часто любовалась «перламутровой» красотой картины Стефано Торелли «Селена и Эндимион». Напомню этот античный сюжет. В Элиде жил прекрасный юноша Эндимион. За красоту Зевс взял его на Олимп. Но и супруга Зевса Гера не осталась к нему равнодушной. Заметив это, Зевс хотел убить Эндимиона, но, пленённая красотой юноши, богиня любви Селена упрашивала сохранить ему жизнь. Зевс согласился, но обрёл юношу на вечный сон в глубокой пещере. С тех пор в часы ночи богиня, остановив колесницу, спускается в грот, нежно склоняется над спящим, целует его очи и произносит слова любви. Эндимион слышит их, но ответить не может. Поэтому Селена всегда печальна.

*Так пусть всегда Луна — Селена
Привычный совершая путь,
Стремится из глубин Вселенной
К Эндимиону заглянуть.*

Многие дорогие нам люди когда-то уходят от нас. Наше счастье, что мы можем памятью коснуться их, вспомнить радость общения с ними и надеяться, что они нас услышат. Закончить этот очерк я хочу словами благодарности Марине Анатольевне, дочери Нонны Николаевны, за обсуждение текста и предоставленные фотографии. На её плечи легла в последние годы жизни ежедневная забота о матери, что позволило Нонне Николаевне чувствовать себя всегда «в общем строю».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Фёдорова Н. На аллеях памяти. Изд. Соло, 2011
2. Смирнов Н.К. Матросы защищают Родину. Изд. 2-е. М., 1968
3. Смирнов Н.К. Матросские были. Л., 1971;
4. Смирнов Н.К. Заметки члена Военного совета. М., 1973.
5. Фёдорова Н.Н. Петродворец Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре. Ленинград–Москва, 1955 год.
6. Фёдорова Н. Парки Петродворца. Лениздат, 1957
7. Фёдорова Н. Петродворец. Лениздат, 1959
8. Фёдорова Н. Юсуповский дворец. По законам вдохновенья. Изд. Звезда Петербурга, 2003

Санкт-Петербург